

ственных процессов, побуждая к поиску вариантов конкретизации и уточнения мировоззренческой парадигмы российской государственности, включая проблему ценностей и смыслов в их побудительной составляющей, вносящей существенный вклад в решение проблем повышения эффективности и оптимизации всех социально и индивидуально значимых процессов. Востребованность культурных традиций и ценностей обеспечивает возможность чутко улавливать сущность и нюансы процессов развития общественной жизни, своевременно и эффек-

тивно вносить требуемые ситуацией и её особенностями необходимые изменения и коррективы.

Изучение культурных традиций этнических меньшинств помогает людям «понять друг друга» [4, с. 69] поскольку «все люди обладают сознанием, мышлением и духом» [4, с. 69] Традиционное понимание мира в его соотнесенности с человеком создает возможность для достижения гармоничного взаимодействия человека и мира, являясь залогом обеспечения успешного развития всех профессиональных сообществ, социальных групп и этнических меньшинств.

Литература:

1. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9-ти томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. — 414 с.
2. Новиков, А. Г., Пудов А. Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации: Монография. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. — 178 с.
3. Юнг К.-Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. М., 1998. № 1. С.133—150
4. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. — 527 с.

Глобализация информационных сетей как условие реализации их социокультурного потенциала

Ягодзинский Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина)

Рассмотрены принципы глобализации информационных сетей, на основании чего показано, что в реалиях социальных противоречий XXI века реализация социокультурного потенциала сетевых инновационных коммуникационных технологий есть условием сохранения мира в стабильном, целостном состоянии. Выдвинуто положение о бесперспективности проецирования экономического неравенства стран в сферу информационного пространства, ибо со временем это приведет не только к усугублению цифрового разрыва стран мира, но и к неконтролируемым проявлениям социальной агрессии, военным противостояниям, торговым блокадам и т.п. разрушающим глобальное общество процессам.

В конце XX века включение социальных агентов в «коммуникационную мультимедиа-систему» происходило как в режиме on- так и off-line. Это привело к тому, что вначале нашего века информационная система способна реализовать социальную функцию только тогда, когда она непрерывно доступна и интерактивна. В результате, как указывал М. Кастельс, местности теряют свое культурное, историческое, географическое значение и реинтегрируются в функциональные сети, замещающие пространство мест [6, с. 352—353]. С этого высказывания следует, что информационные сети способствуют глобализации социума, посредством разрушения территориальных границ. Но, не имея надежных механизмов управления информационными процессами, глобализация сетей неконтролируема с точки зрения социокультурных перспектив. Отсутствие четкого понимания принципов диверсификации информационных каналов искажает информационное пространство, что не позволяет считать его прообразом социальной реальности. Частичное решение этой проблемы

предложил Г. Почепцов, сформулировав аксиомы управления информационным пространством [9, с. 31—33]. Они указывают на характеристики информации, принятие во внимание особенностей которых позволит не только моделировать движение и комбинаторику информационных каналов, но и эффективно привлекать их к трансформации и контролю над социальными процессами. Сделаем некоторые выводы из приведенных исследователем аксиом. Во-первых, информационное пространство обладает безграничными возможностями по расширению и наполнению новым содержанием. Во-вторых, контроль над информационным пространством требует привлечения значительных человеческих и финансовых ресурсов. В-третьих, информационные взаимодействия структурированы, а поэтому влияют друг на друга с нередко непрогнозируемым результатом и социальными последствиями.

Приведенные принципы и положение уже давно вышли за пределы научно-исследовательских лабораторий, где впервые были реализованы в форме прародителя Интер-

нета — сети ARPANET. В 2013 году мир IT-индустрии отмечал знаменательное событие: 20-летие разработки и внедрения промышленного стека протоколов TCP / IP. Именно он сегодня обеспечивает интеграцию компьютерных систем в глобальные сети. Французский исследователь С. Тиссерон показал, что это технологическое открытие привело к объединению социальных сетей в единую глобальную сеть Интернет [4, с. 100—102]. За счет этого происходит расширение опыта и объема знаний человека, растер его потребность в общении и пребывании в актуальном бытии online. Изменение форм проявления индивидуальности с сохранением автономности и открытости, желание представить свой социальный образ с фиксацией причастности к важным событиям и влиятельным людям стало не только общедоступным инструментарием человека XXI века, но и превратилось в основу его социальной сущности. За последние годы информационные сети прошли путь от утилитарного инструмента военных и ученых до социокультурного феномена. Но открытыми остаются вопросы: что вызвало такое быстрое изменение ее статуса? Почему современное общество называют сетевым? Существует ли граница между реальным и виртуальным миром? Как эволюционируют формы бытия человека и общества? Отвечая на эти вопросы, философы, социологи, политологи сходятся к тому, что инновационные технологии (и в первую очередь сетевые) трансформировали социальное пространство. Что именно изменилось, и какое значение оно имело в дальнейшем, мыслители, как правило, понимают по-разному.

В любом случае, очевидна качественная перестройка координат бытийности общества. На первых этапах прихода информационной эпохи казалось, что причиной этого есть невероятные объемы выработки новой информации, открытые перед человеком возможности самореализации, свободы и творчества. Но со временем глобальные сети превратились в своеобразные информационные свалки. Релевантность, достоверность, происхождение данных вызвали вопросы, сомнения и скепсис. Появились научные публикации, авторы которых неустанно доказывали пагубность Интернета. Сеть объявили виновной в снижении культурного уровня молодежи, нежелании людей жить настоящей, а не виртуальной жизнью, разрушении классических ценностей.

Пока между учеными шли теоретические дискуссии, глобальные сети заполнили все щели индивидуального и общественного пространства. Завоевав «сердце» глобальной экономики, они превратились в неотъемлемую часть жизни каждого. Виртуальные сетевые сервисы прочно интегрировались в быт, стали элементом комфорта, отдыха, работы. Вопрос актуальности и пользы глобальных сетей постепенно отошел в прошлое. Его место заняла проблема построения поисковых алгоритмов, создание информационных фильтров, механизмов защиты баз данных, разработка систем программирования сайтов и т.п. как фундаментальные, так и прикладные задачи. Последнее десятилетие — время тотальной экспансии

инновационных технологий — окончательно подтвердило: на базе информационных сетей должно образоваться аппаратно программно единое, содержательно ризоморфное глобальное информационное пространство. В свете сказанного одной из насущных задач является разработка и внедрение новых принципов организации информационной деятельности, реализующих информационные процессы в реальном времени. Именно с этой целью специалистами по работе с информацией (социальные инженеры, психологи, социологи, программисты) было предложено понятие информационной архитектуры [10, с. 25—39]. В общем виде его определения сводятся к тому, что информационная архитектура впитывает в себя принципы, методологию и методику работы с информацией в интра- или интер-сетях.

Широкое распространение понятия информационной архитектуры получило с развитием сети Интернет, на что в первую очередь повлияла скорость передачи данных. Если еще несколько лет назад часть пользователей отключала в своих браузерах функцию загрузки картинок, звуков, видео, то сегодня мы практически не имеем потребности в ограничении количества и качества контента. Специалисты по информационным технологиям связывают это с инновационными технологиями в аппаратной части передачи информации. Впрочем, неумолимо усложнялась и программная составляющая. В итоге, то, что еще 10—15 лет назад считалось исключительно высокой технологией, в настоящее время является пространством общественного бытия. Информационное пространство превратилось в часть социальной реальности, определяющей параметры социального пространства и социального времени.

Обобщая приведенные в научной литературе определения, информационной архитектурой глобального социального пространства будем называть логико-семантическую систему создания и размещения контента. При этом под словом «размещение» следует понимать не банальную публикацию контента в сети, а комплекс мероприятий, учитывающий программный, аппаратный и человеческий факторы. Другими словами, информационная архитектура — это каркас, на котором функционирует глобальное информационное пространство. Без понимания логики информационной структуры информационное пространство превращается в набор текстов, ссылок, цитат, комментариев и т.п. В таком виде он теряет свой эвристический, ценностный, экономический, политический, а в целом — социокультурный потенциал. Необходимость создания такой структуры вызвана объективными причинами. Скорость протекания глобальных социальных процессов и уплотнение пространственных взаимодействий требует свободного доступа к информационным каналам с инструментами мгновенного поиска, обработки, трансляции, синхронизации и архивирования.

На наш взгляд, по такому сценарию будут эволюционировать глобальные сети в ближайшие несколько лет. Укрупнение разрозненных ныне информационных пространств и создание на их основе новой информационной

архитектуры является закономерной тенденцией развёртывания глобальных информационных сетей в XXI веке. Ведь существующие информационные сети (банковские, образовательные, научные, промышленные и т.д.) уже идут по этому пути. Игнорирование интеграционных процессов со временем отразится как на уровне индивидуального, так и общественного сознания. Еще в 70-х годах XX века разработчик Г. Шиллер писал о том, что технические новшества вряд ли являются случайными открытиями или автономными явлениями [12, с. 249–250]. Поэтому тривиальное, поверхностное понимание механизма технического прогресса как количественного поступательного движения провоцирует появление чувства беспомощности и социальной растерянности. Социолог Р. Барт считал процесс создания информационных сетей и их объединение в целостную сетевую архитектуру важным шагом на пути реализации социального капитала [1]. Однако следует учесть, что подобные системы будут все меньше учитывать так называемый человеческий фактор. В данном контексте справедливым есть замечание Л. Г. Дротянко, которая считает существующие концепции информационного общества не более, чем теоретическими конструктами, поскольку их невероятно сложно включить в реалии общественных процессов [5]. Действительно, в некоторых аспектах эти теории лишь косвенно и схематично отражают имеющуюся социокультурную ситуацию, а потому могут быть применимыми к ограниченной части общественных, культурных, политических, экономических проблем современного этапа цивилизационного развития.

Поэтому, несмотря на неоспоримые преимущества инновационных технологий, их способность мгновенно и полноценно удовлетворять широкий комплекс потребностей современного человека, система глобальных информационных сетей теряет стабильность без выявления и реализации заложенного в нее социокультурного потенциала. Анализируя перспективы развития инновационных технологий, Дж. Курос и К. Росс отметили тенденцию к саморегуляции глобальных информационных сетей [2, с. 83]. Уже сегодня количество индивидуальных наполнений глобальной информационной сети информационными сообщениями в процентном отношении уменьшается из-за отсутствия спроса на невалидные источники. Большая часть трафика уже генерируется не человеком, а техникой. Поэтому в ближайшее время потребность в единой структуре информационной сети и общих протоколах функционирования информационного пространства станет первоочередной целью развития технологий. Естественно, если мы желаем, чтобы эти технологии служили человеку, а не были простой самоцелью ученых, инженеров, политиков и социальных проектировщиков. В этом контексте согласимся с введением понятия «технологическая занавес» [8, с. 21], которое в философии используется для обозначения этапа развития глобальной экономики информационного общества. Его смысл заключается в том, что развивающиеся страны, их эконо-

мика, образование, наука не способны вобрать в себя технологические новации. Поэтому информационные пространства некоторых западных стран на порядок выше аналогичных пространств других стран. С одной стороны, это является источником информационного неравенства, а с другой — механизмом власти, контроля и негативной глобализации.

Исходя из сказанного, приходим к выводу, что социальные трансформации, которые провоцируют информационные сети, в первую очередь влияют на глобализацию социального пространства. При этом он не является однородным и сохраняет неравенство, соответствующее экономической плоскости. В результате понятие «страны золотого миллиарда» пока сохраняет свой статус социального феномена. Как и в предыдущие эпохи, большинство получает инновационные инструменты, товары, информацию, знания и т.п. услуги только тогда, когда этим уже нельзя воспользоваться для тотальных социальных преобразований; когда все перечисленное подчиняется структурно более совершенной информационной системе и не существует вне ее.

Обращая внимание на роль информационно-технологической революции в становлении контуров социальной реальности конца XX — начала XXI веков, мы анализировали информационную деятельность как атрибут развития Западного мира [13]. По нашему убеждению, эта революция является не последней и только готовит почву для дальнейших социокультурных изменений. Все идет к тому, что информационное общество поглотит общество инновационное, которое принесет биотехнологическую, гомотехническую и социотехнологическую революции [11, с. 157]. Уже в краткосрочной перспективе информационно-технологическая эволюция общества трансформируется в информационно-коммуникационную революцию. На наш взгляд, последняя превратит не только информацию и коммуникацию в инструментально-прагматический ресурс, выхолостив из них присущ им сегодня социокультурный потенциал.

В научной литературе приведены многочисленные экономико-политические модели будущего сетевого общества. Не останавливаясь подробно на каждом подходе, отметим, что некоторые из них довольно адекватно отражают тенденции развития информационного общества в начале XXI века. Наиболее ценным для нас есть вывод о том, что отделены от глобальных экономических, политических, культурных процессов социальные группы со временем будут терять возможности влиять на принятие стратегических международных решений. Однако мы убеждены, что даже в этом случае цивилизованный мир обязан поддерживать и способствовать интеграции даже наименее развитых регионов мира в глобальное информационное пространство. Этому, на наш взгляд, есть две причины. Во-первых, сетевая социальная архитектура в полной мере раскроет свой потенциал и будет целостной только при условии всемирного распространения. Во-вторых, отброшенные на обочину прогресса соци-

альные группы, народы, государства все с большей интенсивностью начнут продуцировать социальные аномии, агрессию, военные противостояния и иные деструктивные по отношению к общественному развитию процессы.

Следует прислушаться к словам М. Кастельса, который считал, что социальная архитектура не может существовать ни в какой другой форме, кроме как глобальной [7, с. 496]. Влияние информации на становление современного глобального социума подчеркивает и И. Пригожин, который указывает, что сетевое общество и информационный взрыв были взаимосвязанными, но все же не прогнозируемыми социальными формами [3, с. 893–895]. С усложнением последних появляются нелинейные по строению коллективные образования, объективно выходящие за пределы отдельного индивида и за счет автокаталитических интеракций создающие надиндивидуальные коммуникативные структуры. Вместе с тем, жизнедеятельность системы возможна только при условии ее открытости и обмена информацией, энергией, ресурсами с внешней средой. Будучи ориентированной на структуру, а не на отдельные элементы, система глобальных сетей становится крайне чувствительной

к любым внутренним рекомбинациям. А потому даже локальные социальные колебания накладывают свой отпечаток на все поле социальной реальности. Таким образом, мир становится глобальным как по линии возможностей, так и в контексте рисков планетарного масштаба. Эта глобальность ощущается и проявляется личностном и социальном уровнях цивилизационного устройства, ведь в свернутой форме представляет все формы индивидуального и общественного бытия.

Понимая эти предостережения, мы далеки от мысли, что само наличие глобальных информационных сетей способно обеспечить интеграцию и кооперацию мирового сообщества в сфере экономики, политики, права, образования и т.д. Более того, мы уверены, что имплементация информационных сетей в социальное пространство разбалансировала сформированные в XX веке модели мироустройства, товарообмена и идеологической конкуренции. Поэтому первичной задачей социально-философских исследований первой трети XXI века должно стать осмысление глобальных информационных сетей как феномена с ярко выраженным, но пока что нереализованным социокультурным потенциалом.

Литература:

1. Burt, R. The Social Capital of Social Holes // *New Directions in economic Sociology*. — N. — Y., 2001. — P. 201–246.
2. Kurose, J., Ross K. *Computer Networking: A Top-Down Approach*. — Boston: Addison-Wesley, 2013. — 880 p.
3. Prigogine, I. The network society // *Journal of World-System Research*. — 2000. — Vol. 6. No.1. — Part II. — P. 892–898.
4. Tisserion, S. Les nouveaux reseaux sociaux sur internet // *Psychotropes*. — Garrebourg. — 2011. — Vol. 17. — P. 99–118.
5. Дротянко, Л. Г. Інформаційний простір і діалог культур в інтер'єрі XXI століття // *Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія*. — К.: НАУ, 2011. — № 1 (13). — с. 5–8.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе*. — М.: Academia, 1999. — с. 492–505.
8. Оноприенко, В. И. Понятие «информационная бедность» в контексте глобализации // *Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія*. — К.: НАУ, 2011. — № 1 (13). — с. 19–22.
9. Почепцов, Г. Г. Информационно-политические технологии. — М.: Центр, 2003. — 384 с.
10. Розенфельд, Л., Морвиль П. Информационная архитектура в Интернете. — СПб.: Символ-Плюс, 2005. — 544 с.
11. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. — М.: Велби; Изд-во Проспект, 2005. — 432 с.
12. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием. — М.: Мысль, 1980. — 326 с.
13. Ягодзинский, С. Н. Информационная деятельность как приоритет общественного развития в XXI веке // *Молодой ученый*. — 2015. — № 13. — с. 838–841.